

Е.В. Демидова-Петрова

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ**

В статье представлены результаты проведенного автором мониторинга программ профилактики (предупреждения) преступности несовершеннолетних, которые разработаны и реализуются на уровне субъектов Российской Федерации с 2015 г. по настоящее время. Отмечено, что тематический спектр проектных задач, несмотря на свое многообразие, при анализе классифицируется по следующим направлениям в нисходящем рейтинге частоты: профилактика рецидива наркозависимости и алкоголизма; оказание психолого-педагогической (реже – материальной) помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; противодействие вовлечению в экстремистскую деятельность; поддержка и развитие инициатив в области здорового образа жизни (спорта); просвещение. Изучив содержание и региональную направленность общественных предложений вспомоществования государственным задачам в области социальной политики, нельзя избежать выводов о том, что такие проекты восполняют дефицит и пробельность как целевых программ предупреждения преступности несовершеннолетних, так и комплексных планов обеспечения охраны и защиты детства.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, преступность несовершеннолетних, предупреждение преступности несовершеннолетних, программа, криминологическая экспертиза

E. V. Demidova-Petrova

**PREVENTING JUVENILE CRIME: THE MONITORING
OF REGIONAL PRACTICES**

This article presents the results of the author's monitoring of prevention programs (prevention) juvenile delinquency, which are designed and implemented at the level of constituent entities of the Russian Federation in the period from 2015 to the present. It is noted that in the analysis the thematic range of design tasks, despite its diversity, is categorized in the following areas in descending rating frequency: relapse prevention drug and alcohol abuse; psychological and pedagogical support (less material) assistance for juveniles in difficult life situation; the opposition of involvement in extremist activity; support and development of initiatives in the field of healthy lifestyle (sport); education. Examining the content and regional focus of the public offers of welfare state tasks in the field of social policy, it is impossible to avoid the conclusion that such projects make up the deficit and white spaces as the target of programmes to prevent juvenile crime, and comprehensive plans to ensure the safety and protection of children.

Keywords: crime, juvenile, juvenile delinquency, crime prevention juvenile, the program, criminological examination.

Природа явлений, связанных с преступностью несовершеннолетних, часто латентна, а процессы детерминации настолько динамичны, что предсказать их возникновение, а также дальнейшее состояние развития крайне сложно. Реалистичность данных утверждений иллюстрируют современные тенденции вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, нелегитимные протестные акции. В условиях свершившихся

фактов вовлечения несовершеннолетних в антисоциальные или криминальные процессы уполномоченные органы государственной власти, прежде всего правоохранительные органы, оказываются в ситуации реагирования на последствия. Комплекс задач установления причин, условий, процессов детерминации, возможных рисков развития тенденций вовлечения отходят не просто на второй план, но приобретают характер просроченной актуальности. Между тем решение подобных задач можно избежать, если исходные обстоятельства, вызывающие необходимость их разрешения, подвластны прогнозированию и недопущению к воплощению. В данном случае речь идет о власти, а точнее о возможностях научного криминологического сопровождения и соответствующей экспертизе плановой стратегии и тактики предупреждения преступности несовершеннолетних.

К сожалению, конструктивные идеи воплощения криминологической экспертизы на практике долгое время не разрешаются. Возможно по причине отсутствия комплексного видения задач, которые могут решаться с ее помощью. В концепциях о криминологической экспертизе, в том числе получивших выражение правотворческих инициатив, ее объектом значились законодательные и иные нормативные правовые акты [1, с. 390–393; 2, с. 9–15]. С принятием Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» идеи реализации законодательного обеспечения криминологической экспертизы отошли на второй план. Во многом это стало возможным потому, что основной объект экспертизы – нормативные правовые акты и их проекты – получил исполнение. Теория и практика на определенный период времени оказались поглощены отработкой проведения экспертизы, которая, казалось, может решить частные задачи по профилактике основных криминальных угроз, которые производит коррупция. Между тем общие задачи предупреждения преступности на основе комплексной криминологической экспертизы только в последнее время вновь получают свое актуальное звучание [3, с. 33–36; 4, с. 48–50].

В таких условиях и в надежде на будущее воплощение идей законодательного определения роли и места криминологической экспертизы в системе государственной политики борьбы с преступностью актуальность криминологического сопровождения программ предупреждения не исчезает, а обостряется. Анализ требуемого содержания криминологического сопровождения предлагается сосредоточить только на ключевых его аспектах.

Кратко их можно определить в классических позициях: осуществление криминологической характеристики преступности несовершеннолетних, выявление основных процессов детерминации и причинности ее проявлений, анализ и оценка их возможного воздействия на преступность и состояние борьбы с ней, обоснование прогностических предложений и рекомендаций по оптимизации мер предупреждения, исключению негативного влияния

сторонних криминологически значимых процессов и явлений. Несмотря на кажущуюся сложность перечисленных компонентов криминологического сопровождения программ или планов предупреждения преступности, следование им приносит практическую ценность и реальные результаты.

Следует обратиться к отдельным программным документам, задающим региональные мероприятия в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних (далее – программы) с целью установления их криминологической обеспеченности или наличия элементов таковой [5].

Итак, примечательно, что некоторые программы обладают индикаторами, основу которых образуют криминологические позиции. Принятая и реализуемая в Амурской области программа [6] содержит индикаторы: количество или удельный вес несовершеннолетних (из числа криминогенно уязвленных), которых по годам планируется: вовлечь в социально полезную деятельность, включить в реабилитационные мероприятия (трудовая адаптация; досуговая деятельность), численность осужденных несовершеннолетних, охваченных психолого-реабилитационными услугами (нарастающим итогом). Заслуживает внимания позиция программы, позволяющая рассчитывать возможные (в тексте предполагаемые) риски реализации мероприятий и рекомендации по их недопущению или минимизации.

Не лучшим примером стратегического обеспечения является ситуация юридико-лингвистической неопределенности по отношению к целевой группе, адресатам запланированных и утвержденных к реализации превентивных мероприятий. Такой недостаток заложен в программе Республики Саха (Якутия) [7]. В отдельных разделах программы субъекты (реципиенты) превентивных мер определены слишком обще – «несовершеннолетние, находящиеся в конфликте с законом». Фактически запланированные профилактические мероприятия рассчитаны на применение не в отношении конкретной целевой группы несовершеннолетних, имеющей разные характеристики криминологически значимой подверженности («находящиеся в трудной жизненной ситуации»; «ранее судимые», «состоящие на учете в уголовно-исполнительных инспекциях», «не занятые трудом или учебой»), а на всех несовершеннолетних вкуче. При таком подходе теряется не только адресность мер, но и потенциал вероятных результатов, которые могли бы быть достигнуты при учете особенностей той или иной общности и криминологических характеристик личности несовершеннолетних (осужденных и виктимных; испытывающих криминогенные факторы и уже испытывавших их).

Несомненно, что адресаты программ предупреждения не всеядны, и отторжение мер профилактики, которые применяются к ним без учета знаний отмечаемых особенностей, может вызвать не только бесполезный итог мероприятий, но и обратный эффект. Представим ситуацию, при которой меры воспитательного воздействия на несовершеннолетних, совершивших правонарушения, будут оказываться, как указано в анализируемой программе

«посредством современных возможностей информационно-телекоммуникационного взаимодействия в социальных сетях». Без указания конкретного контента, составляющего основу взаимодействия (как это и предусмотрено программой), который мог бы учитывать потребности несовершеннолетних, это будет не только пустой мерой, но и благоприятным криминогенным условием, побуждающим к поиску запретной информации, в том числе и экстремистского толка.

Распространенные ошибки или недостатки программ часто выражаются в определении, мягко говоря, ложных целей и приоритетов, или в несоответствии предмета мероприятия его содержанию. Часто они выглядят по иному – если не искать умышленность допущения, то их можно признать в качестве ошибки управления понятиями. Трудно найти иные объяснения таким положениям. Так, например, в комплексной государственной программе Краснодарского края «Дети Кубани» [8], содержание которой, как и в прежнем описываемом случае, трудно классифицировать по отношению к разным несовершеннолетним, встречаются отмечаемые недостатки. Так, подраздел 2.1. «Формирование комплексного подхода в организации охранно-защитной деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» содержит отдаленные мероприятия по отношению именно к организации охранно-защитной деятельности субъектов системы профилактики. В частности такие, как: «2.1.8.1. Краевой культурно-информационный марафон “Читать о спорте книги надо, мы ждем тебя Олимпиада!”».

Похожий пример отражает другой раздел программы «3.1. Создание и укрепление материально-технической базы реабилитационных центров (отделений) для детей и подростков с ограниченными возможностями», который не коррелирует с мероприятием «3.3.3. Организация показа спектаклей для детей инвалидов и детей сирот».

Очевидно, рассматриваемая программа обладает обширным свойством, направлена на обеспечение общего предупреждения преступности, в котором большое значение имеют меры превенции в разрезе социальной, экономической, культурной, образовательной сферы. При этом программой упущено освещение проблемных зон или аспектов, которые вызвали необходимость ее разработки и реализации. Можно допустить, что этот компонент остался в пояснительной записке к проекту программы. Автор убежден, что значение этого аспекта заслуживает быть отраженным в «теле» самой программы, а не в сопровождающих ее принятие документах.

Анализируемая программа Краснодарского края позволяет косвенно затронуть важную проблему. Фактически это одна из немногих программ регионального значения среди всех изученных автором, в которую вносились изменения и дополнения. Это редкий пример требуемого качества программ, к которому нужно стремиться для обеспечения реализуемости, успешного воплощения мероприятий, успех которых находится не только в зависимости

от корректировки размеров финансового их обеспечения, но и от криминологически значимых реалий, потребностей.

В данном случае снова возникает ранее отмеченная актуальность корректировки программ и предусмотренных мер превенции, которые основаны на криминологическом прогнозировании, а затем на криминологическом сопровождении хода их реализации.

Избегая тавтологии в оценках качества региональных программ, которые в ключевых подходах к содержанию и реализации проявляют идентичность, остановимся на крайнем, но примечательном примере (в силу оригинальности некоторых положений) специализированной программы правонарушений и преступлений несовершеннолетних в Республике Тыва [9].

В указанной программе отмечены целевые индикаторы без указания ожидаемых результатов реализации превентивных мер, определяющие количество участников-субъектов программы: несовершеннолетние (осужденные, состоящие на учете) и неблагополучные семьи общим числом свыше 3 тыс. человек. В пропорции 1 к 3 по отношению к ним определены субъекты, реализующие меры профилактики. При этом должностной статус этих лиц в количестве 960 человек определен отвлеченно – «специалисты субъектов системы профилактики», вместе с ними 30 представителей общественных формирований, имеющих опыт работы с «трудными» детьми.

К подобным субъектам профилактики преступности среди подрастающего поколения из числа представителей гражданского общества нужно относиться с осторожностью. В целом ряде исследований [10] отмечались проблемы криминализации несовершеннолетних, источники которых кроются в активной деятельности финансируемых преступными сообществами квазиобщественных объединений, вступающих во взаимодействие с подростками из числа учащихся интернатов, детских домов. Внешне их деятельность представлена благообразно, связующим элементом, а также влиянием на подростков выступают занятия боевыми искусствами, тяжелой атлетикой, организацией летних лагерей, поддержка «очаговых» (неконтролируемых) спортивных секций. Между тем именно через такое вспомогательство происходит рекрут молодых, испытывающих благодарность и обязательства за обучение и навыки новых членов организованных преступных сообществ из числа подростков, получающих свои настоящие и будущие преступные роли.

Организационно-правовые основания участия институтов гражданского общества в осуществлении государственной политики борьбы с преступностью в целом, и с несовершеннолетними в частности, автор усматривает в форме государственно-частного партнерства. Данная форма позволяет осуществлять взаимный контроль за ходом реализации программ, определять степень реализации мероприятий и вклад участников (сторон) – субъектов предупреждения. Примечательно, что идея государственно-частного партнерства, актуальность которой выявлена эмпирическим путем в настоящем исследовании, признается перспективной на международном

уровне участия Российской Федерации в противодействии криминальным вызовам и угрозам [11, с. 5].

Во многих региональных программах предупреждения преступности и правонарушений несовершеннолетних монопольное положение имеют индивидуальные меры превенции, рассчитанные на криминализированных подростков. При таком подходе упущенной оказывается истинная превенция или профилактика раннего предупреждения преступности несовершеннолетних. В таких программах меры общего и частично специального предупреждения уступают средствам индивидуального воздействия на уже подверженных криминогенным факторам лиц, из числа не достигших совершеннолетнего возраста. Подобные программы по названию и содержанию трудно считать превентивными в отношении несовершеннолетних как социально-демографической группы населения. В свою очередь комплексные программы превенции обладают дефицитом индивидуальных и специальных мер, рассчитанных на применение по отношению к несовершеннолетним, имеющих статус правонарушителей, и продолжающих испытывать риски рецидива криминализации.

На основе тематических исследований как предварительных, так и текущих, а также дящихся можно добиться сбалансированного обеспечения превенции без ущерба для виктимных, криминализированных, благополучных, но испытывающих воздействие факторов, обуславливающих преступное поведение.

Некоторой экспертизе или точнее сказать экспертному обсуждению обоснованности, предметности, адресности, объективной потребности подвергаются проекты грантополучателей из фонда Президента Российской Федерации, конкурс которых проводится ежегодно для всех социально-ориентированных некоммерческих организаций [12]. Проведенный автором мониторинг всех одобренных заявок на осуществление проектов (в период с 2013 по 2016 г. включительно) свидетельствует о следующем. Удельный вес всех одобренных к реализации проектов, реализуемых НКО в целях решения задач превенции в среде несовершеннолетних, достаточно высок, примерно 20 % от общего числа всех иных социально значимых проектов. Между тем этот показатель набрал высокую динамику только в последнее время (в анализируемый период). В прежние годы он был ничтожно мал. Совокупный объем финансирования одобренных проектов, напротив, не велик для целей комплексного решения задач участия гражданского общества в решении государственных задач борьбы с преступностью несовершеннолетних, и составляет более 147 млн рублей за четыре года.

Тематический спектр проектных задач, несмотря на свое многообразие, классифицируется по следующим направлениям в нисходящем рейтинге частоты: профилактика рецидива наркозависимости и алкоголизма; оказание психолого-педагогической (реже, материальной) помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; противодействие вовлечению в экстремистскую деятельность; поддержка и развитие инициатив в области здорового образа жизни (спорта); просвещение.

Принимая во внимание содержание и региональную направленность общественных предложений вспомоществования государственным задачам в области социальной политики, нельзя избежать выводов о том, что такие проекты восполняют дефицит и пробельность как целевых программ предупреждения преступности несовершеннолетних, так и комплексных планов обеспечения охраны и защиты детства. Обладая коротким по времени (в течение года), а значит оперативным характером действия, реализация таких мероприятий позволяет обеспечить, насколько это возможно, достаточность реальных задач превенции, которые не были очевидны при разработке программ, и остались незамеченными по итогам их реализации. В таких условиях многократно отмечаемая актуальность криминологического обеспечения и сопровождения государственной политики в области предупреждения несовершеннолетних, по мнению автора, становится безапелляционной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ

1. Разделы проекта Федерального закона о криминологической экспертизе // Преступность и правовое регулирование борьбы с ней / под ред. А.И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1996. С. 390–393.
2. Алексеев А.И., Смирнов Г.Г. О законе «Об основах государственной системы предупреждения преступлений» // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 1. С. 9–15.
3. Тенилово В.В. Криминологическая экспертиза как юридический инструмент предупреждения преступлений // Эксперт-криминалист. 2009. № 4. С. 33–36.
4. Дзиковская С.Г. Современное состояние криминологической экспертизы в России // Российский следователь. 2012. № 23. С. 48–50.
5. Автором проанализировано 45 программ профилактики (предупреждения) преступности несовершеннолетних, которые приняты на уровне субъектов Российской Федерации и утверждены нормативными правовыми актами исполнительных органов государственной власти в период с 2015 г. по настоящее время. По очевидным причинам не все их содержание находит отражение в настоящем исследовании. Все они изучены, но внимание сосредоточено только на тех из них, которые обладают элементами криминологической состоятельности.
6. Об утверждении программы «Профилактика преступности и правонарушений среди несовершеннолетних в Амурской области на 2015–2017 годы “Я сам выбираю путь”»: постановление Правительства Амурской области от 17 апр. 2015 г. № 182 (ред. от 10.08.2016) // Консультант Плюс (дата обращения 28.06.2017).
7. О проектной программе Республики Саха (Якутия) по профилактике преступности и правонарушений несовершеннолетних «Эрэл – Надежда» на 2016–2017 годы: постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 1 июля 2016 года № 219 // Там же.
8. Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Дети Кубани»: постановление главы Администрации (губернатора) Краснодарского края от 14.10.2013 № 1174 (в ред. от 25.12.2013 г. № 1533) // Там же (дата обращения 29.06.2017).
9. Об утверждении республиканской комплексной программы профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних в Республике Тыва «Базурел» (Вера): постановление Правительства Республики Тыва от 18.05.2016 № 165 (ред. от 20.09.2016) // Там же.
10. Косвенно эти проблемы затрагивались в следующих работах: Решетов Г.М. Некоторые проблемы профилактики и борьбы с преступностью несовершеннолетних //

Российский следователь. 2008. № 8; Вилкова А.В. К вопросу ресоциализации делинквентных групп несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 13–15.

11. Данный аспект широко обсуждался на заседании XII Конгресса ООН по борьбе с преступностью и уголовному правосудию (12–19 апр. 2010 г. Сальвадор. Бразилия) (Волеводз А.Г., Тарасенко С.М. К итогам XII конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 4. С. 5).

12. При осуществлении мониторинга использовалась информация, размещенная на официальном интернет-портале «Фонд президентских грантов». URL: <http://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/>